



Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г.

(Записка С. Панютина) ¹⁾.

Послѣднія событія въ Варшавѣ были столь неожиданны и странны, совершились столь быстро, что трудно объяснить ихъ, не зная настоящей ихъ причины и не видѣвъ на мѣстѣ, какъ событія сіи приготовлялись мало-по-малу. И дѣйствительно, отъ чего Варшава, а съ нею и царство Польское, бывшія спокойными въ продолженіе 30 лѣтъ, не смотря на многія неблагопріятныя для насъ обстоятельства, нынѣ почти внезапно, при условіяхъ несравненно лучшихъ для насъ и самихъ поляковъ, возстали и такъ еще, что на другой же день въ демонстраціяхъ участвовали не отдѣльныя лица, не кучка какихъ-либо злонамѣренныхъ, но всѣ классы народа кромѣ крестьянъ, и на улицахъ Варшавы было сто тысячъ человѣкъ. Наконецъ весьма естественно представляется еще вопросъ: если это могло случиться вчера, то не можетъ ли случиться и завтра, то-есть какія причины возбудили общую вспышку и нѣтъ ли возможности устранить ихъ на будущее время?

Напрасно было бы искать объясненія этого явленія въ нынѣшнемъ политическомъ положеніи Европы, во влияніи на Польшу дѣлъ Италіи и Венгріи. Стоитъ вспомнить событія послѣднихъ 30 лѣтъ, чтобы убѣдиться, что бывали обстоятельства гораздо для насъ хуже, влияніе ихъ на Польшу было сильнѣе и вреднѣе; но въ царствѣ было удержано спокойствіе.

Въ 1831 году, по усмиреніи мятежа, поль-арміи польской ушло за границу, половина магнатовъ выѣхала въ Англію, во Францію и въ Бельгію. Почти вся Европа только-что вышла изъ революціи 1830 г.

¹⁾ Писана въ апрѣлѣ 1861 года.

Поляковъ вездѣ принимали съ распростертыми объятіями. Образовалась устроенная эмиграція и дѣйствительно имѣла силу; много было интригъ; но всѣ попытки ихъ были уничтожены. Едва появлялись въ царствѣ эмиссары, какъ противъ нихъ тотчасъ же принимаемы были мѣры; ничто и нигдѣ не успѣвало разгорѣться: только что вспыхнетъ и потушено.

Въ 1846 году, когда во всей Германіи было волненіе—въ Галиціи все было въ огнѣ и крови, а въ царствѣ (Польскомъ) все было спокойно; одна незначительная попытка двухъ-трехъ человекъ въ Седлецахъ,—и тѣмъ кончилось.

Въ 1848 году революція во Франціи, въ Австріи и въ Пруссіи. Въ Познаніи образовались польскія войска. Прусскій король съ обнаженною головою стоялъ передъ поляками. Въ 1849 году возстаніе въ Венгріи, безпокойства и волненія вездѣ; вся Европа потрясена,—а въ царствѣ Польскомъ все спокойно.

Наконецъ въ 1853 году, когда почти вся Европа была противъ Россіи и когда безъ сомнѣнія много было интригъ въ Польшѣ, не только со стороны Франціи и Англій, но даже и Австріи, когда Россію готовы были постигнуть такія бѣдствія, какихъ она не испытывала съ 1812 года, въ царствѣ Польскомъ все было спокойно; даже во все продолженіе войны не было ни одного политическаго преступника. Слѣдственная коммиссія была закрыта, и предсѣдатель ея получилъ другое назначеніе.

Средствомъ къ достиженію такихъ результатовъ были: постоянный надзоръ, никакого послабленія, предусмотрительность и предупредительныя мѣры осторожности, такъ что у злоумышленниковъ отнималась всякая надежда на успѣхъ и всякая даже мысль о попыткѣ къ возстанію.

Поэтому была возможность дѣйствовать средствами края, т. е. управлять краемъ посредствомъ польскихъ же чиновниковъ, которые во все время вели себя какъ нельзя лучше, исполняли свои обязанности какъ нельзя усерднѣе; они были настоящими русскими чиновниками съ русскими чинами. Въ самыя трудныя времена: послѣ мятежа 1831 года, въ 1846, 1848 и въ 1849 годахъ чиновники дѣйствовали совершенно въ духѣ правительства. Никому не приходила мысль выдти въ отставку или отказаться отъ исполненія приказаній начальства. Еще сильнѣйшею опорой, не по наружности, но въ сущности для правительства нашего въ царствѣ, былъ классъ крестьянъ, не только казенныхъ, но и помѣщичьихъ. Очиншеваніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и въ особенности въ пожалованныхъ русскимъ маіоратахъ показало, до какой степени благосостоянія дошли поселяне въ сихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе попеченій о нихъ правительства. Сравненіе быта крестьянина го-

сударственнаго или въ маіоратахъ съ бытомъ ихъ у помѣщиковъ не поселяло въ нихъ привязанности къ польскимъ владѣльцамъ, а напротивъ, еще болѣе внушало довѣрія къ русскому правительству, которое постоянно служило имъ защитою отъ притѣсненій шляхты и въ особенности когда послѣдовалъ указъ 1846 года, оградившій и личность и собственность крестьянъ отъ незаконныхъ требованій и притязаній помѣщиковъ. Не надобно однако думать, что правительство наше дѣлало крестьянамъ послабленія во вредъ помѣщиковъ или возбуждало ихъ противъ своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, когда въ 1846 году въ Галиціи черезъ рѣку отъ насъ происходили убійства, крестьяне рѣзали своихъ помѣщиковъ, въ царствѣ Польскомъ не было ни одного случая даже ослушанія крестьянъ, потому что въ первую же минуту приняты были необходимыя мѣры.

Все держалось системою, основанною на знаніи народнаго характера поляковъ, твердою сильною волею иногда переходившею можетъ быть въ строгость, но заставлявшемъ всегда себя уважать, а иногда бояться.

Поэтому тогдашнее управленіе въ царствѣ Польскомъ считало бы для себя стыдомъ, если бы допустило хоть одинъ выстрѣлъ на улицахъ Варшавы.

Можетъ быть, дѣйствительно многое можно было смягчить, исправить, измѣнить въ управленіи царства; но не было необходимости мѣстному управленію края дѣлать измѣненія только для измѣненій, отъ которыхъ почти всегда приходилось отказываться. Не надо было забывать, что кротость или справедливость не есть еще послабленіе и безнаказанность, что, отказываясь отъ принадлежащей ему власти, управленіе не заставитъ себя уважать; что власть дана не для фаворитизма только, наконецъ, что, выпуская изъ рукъ власть, ее захватятъ другіе и захотятъ сами приказывать и тогда придется имъ дѣлать постыдныя уступки или принимать жесткія мѣры.

Такъ къ несчастію случилось да и не могло быть иначе.

Желаніе пріобрѣсти популярности газетную и въ гостинныхъ заставило (кн. Горчакова) заискивать въ магнатахъ и шляхтѣ¹⁾. Но надобно не знать вовсе исторіи Польши, чтобы надѣяться чѣмъ бы то ни было привязать къ себѣ шляхту.

¹⁾ Правдивая въ общемъ записка С. Павлютина грѣшитъ здѣсь противъ исторической истины и несправедливо обвиняетъ князя М. Д. Горчакова въ исканіи популярности у поляковъ и тѣмъ объясняетъ его крайне нерѣшительныя дѣйствія. Странно обвинять человека въ недостаткѣ энергіи и рѣшимости, когда шесть лѣтъ передъ тѣмъ у того же человека достало энергіи стоять съ достоинствомъ во главѣ главной обороны Севастополя, и рѣшимости на безпримѣрный въ исторіи войнъ переводъ арміи съ южной на сѣ-

Не говорю уже найти въ ней преданность. По натурѣ вещей она намъ враждебна. Ни одинъ изъ магнатовъ не забываетъ надежды на прежнюю возможность быть королемъ. Ни одинъ шляхтичъ не проститъ потерянной вольности или правильнѣе вольницы своей аристократической республики, гдѣ онъ былъ панъ, а прочіе рабы, гдѣ было широкое поле его удали, самовластия, беззаконности и безнаказанности. Примѣръ пятнадцатилѣтія до 1830 года ничего еще не доказываетъ, тогда еще была какая-нибудь узда, да и ту поляки старались сбросить революціею 1830 года.

Магнаты и шляхта конечно были обрадованы, видя, что снисхожденіе къ нимъ управленія даетъ имъ и вліяніе на людей и на дѣла и средства поправить свои обстоятельства и надежду приготовить все на случай вѣчно желаемыхъ, вѣчно ожидаемыхъ переменъ явно, не прибѣгая ни къ тайнымъ обществамъ и не рискуя ничѣмъ.

Такимъ образомъ составилось Агрономическое общество; такимъ же образомъ отдано безъ торговъ и съ недостаточными залогами содержаніе шоссе въ царствѣ—дѣло почти въ 20 милліоновъ золотыхъ, на которое, кажется, они ничего еще не употребляли или очень мало.

Агрономическое общество въ первый же годъ своего существованія имѣло уже до 5 тыс. членовъ. Теперь ихъ, кажется, до 6 тыс. Агрономія тутъ только предлогъ. Оно было не что иное, какъ существующее съ дозволенія правительства политическое общество, гдѣ шляхта собиралась затѣмъ, чтобы счесть свои силы и приготовиться къ будущему воображаемому конечно устройству независимой Польши. Рѣчи членовъ рѣдко касались земледѣлія; но болѣе говорили о единствѣ, братствѣ, о правахъ народа и проектахъ объ измѣненіяхъ въ администраціи.

При этомъ были и депутаты изъ Позена (Познани) и Галиціи.

Къ сожалѣнію, все дозволялось, все оставалось безнаказаннымъ. Же-

верную сторону Севастополя въ виду непріятеля по углу мосту, перекинутому черезъ широкую бухту. Но, тамъ, въ Севастополь, ему никто не мѣшалъ, а напротивъ всѣ его поддерживали своимъ геройскимъ духомъ. Здѣсь было другое дѣло. Не князь Горчаковъ искалъ популярности, а высшія петербургскія сферы боялись. „что скажутъ въ Европѣ“. Мнѣніе о польскихъ дѣлахъ было крайне неустойчиво. Изъ обширной переписки, которую велъ князь Горчаковъ съ Петербургомъ, историкъ увидитъ, какія перемены и противорѣчія исходили изъ столицы: что ни письмо, то новость, то новый взглядъ на дѣла Польши. Мнительный и нервный князь Горчаковъ не зналъ, чему слѣдовать, какому образу дѣйствій держаться, и незамѣтно для себя выпустилъ власть изъ своихъ рукъ. Посылая одно изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Петербурга, военному губернатору г. Варшавы Н. А. Крыжановскому, князь Горчаковъ написалъ на немъ: „Lisez cette horrible lettre et parlez m'en demain“. (Прочитайте это ужасное письмо и скажите мнѣ завтра свое мнѣніе). Князь Горчаковъ боялся того, какъ посмотрятъ въ Петербургѣ на его мало-мальски рѣшительныя мѣры, и потому постоянно колебался. А. К.

ланіе популярности удерживало насъ отъ принятія какихъ-либо мѣръ, чтобы напомнить шляхтѣ, что существуетъ однако въ царствѣ русское правительство, которому одному предоставлено право заботиться объ управленіи и благосостояніи края.

Мало того шляхта, какъ сказано выше, не имѣла сочувствія поселянъ, которые болѣе довѣряли русскому правительству, чѣмъ своимъ владѣльцамъ. Въ это время составлялся проектъ объ очиншеваніи крестьянъ. Мѣра сія, самая существенная для ихъ благосостоянія, была конечно единственнымъ и лучшимъ средствомъ привязать къ себѣ поселянъ.

Вовсе неожиданно правительство отказывается отъ этого средства и передаетъ его въ руки шляхты, которая, обѣщая и оглашая свои обѣщанія, ничего однако же доселѣ не дѣлала; да и крестьяне шляхтѣ не вѣрятъ, не смотря на то, что само правительство объявило имъ съ амвоновъ, что помѣщики о нихъ заботятся.

Результатомъ многихъ подобныхъ мѣръ было однако же то, что управленіе наше потеряло всякое уваженіе шляхты; привязанности оно не приобрѣло, а возбудило развѣ презрѣніе.

Другой классъ въ Польшѣ, чиновники были орудіемъ правительства нашего въ управленіи. Чиновниковъ въ царствѣ до 10 т. Въ Польшѣ любятъ титулы и знаки отличія. Однимъ даны были чины, другіе ихъ желали и ожидали; всѣ были усердные слуги. Русскій чинъ былъ какъ русскій мундиръ.

Чины въ царствѣ послѣ 20 лѣтъ уничтожены подъ предлогомъ неприемлемости. Нѣтъ сомнѣній, что чины имѣютъ свою дурную сторону. Можетъ быть, что рано или поздно чины признано будетъ возможнымъ уничтожить и въ Россіи. Ничто бы не препятствовало тогда отмѣнить ихъ въ царствѣ. Но уничтоженіе ихъ въ одномъ царствѣ было только уничтоженіемъ возможности имѣть русскихъ чиновниковъ въ Польшѣ и тѣмъ болѣе, что почти въ то же время послѣдовало запрещеніе русскимъ начинать службу въ царствѣ Польскомъ.

Такимъ образомъ произошло отдѣленіе, такъ сказать, польскихъ чиновниковъ отъ русскаго правительства и уничтоженіе существовавшей между ними связи.

Послѣдствія были выгодны только для фаворитизма.

Много послѣдовало назначеній, возбудившихъ общее неудовольствіе,—тѣмъ болѣе, что остальнымъ чиновникамъ не было уже возможности подвинуться службою впередъ, какъ было при существованіи чиновъ.

Можетъ быть, это отчасти было причиною, что большая половина ихъ даже дерзнула подписать впослѣдствіи извѣстный адресъ государю императору, участвовала въ демонстраціяхъ или подавала въ отставку.

Словомъ чиновники всѣ, не исключая и полицейскихъ, сдѣлались ненадежными.

Такимъ образомъ были подготавливаемы матеріалы для возстанія. Оставалось вывести революцію на улицу, чтобы показать Европѣ, что царство Польское не потому спокойно, что довольно своимъ положеніемъ.

Для этого нужны были мальчики-школьники. Дѣйствительно въ школахъ уже былъ для этого готовый элементъ. Изъ того же необъяснимаго желанія популярности, школы были распущены совершенно. Безнаказанность, изъ нежеланія, вѣроятно, огорчить родственниковъ, дошла до того, что часто учителя, инспекторы и директора вынуждаемы были извиняться передъ воспитанниками.

Ученики дѣлали все, что имъ вздумается, не ходили въ классы, шумѣли въ театрахъ, дѣлали разныя демонстраціи, о которыхъ будетъ говорено ниже, собирали сходки для битья стеколъ, писали анонимныя письма и пр. пр.

На все это смотрѣли сквозь пальцы и только съ тѣмъ, кажется, чтобы имѣть возможность закрыть поступки, которые называли дѣтскими шалостями. Дошло до того, что ученики были первыми во всѣхъ возстаніяхъ, содержали полицію въ городѣ и почти управляли Варшавою.

Такъ мало-по-малу приготавливалось то положеніе дѣлъ, которое родило послѣднія варшавскія событія.

Первыя проявленія попытокъ показались въ прошломъ 1860 году. Въ іюні началъ обнаруживаться враждебныя дѣйствія воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, которые воспользовались похоронами вдовы коменданта Воля Савинскаго убитаго при защитѣ сего укрѣпленія, (въ 1831 г.), чтобы сдѣлать демонстраціи на Вольскомъ кладбищѣ, гдѣ они осмѣлились издѣваться надъ могилами русскихъ.

Не смотря на настоянія генераль-губернатора,—объ этомъ происшествіи даже не производили слѣдствія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Воспитанники и разный обродъ, пользуясь безнаказанностію и поддержкою въ краѣ Земледѣльческаго (Агрономическаго) общества, которое уже тогда считало до 5 тыс. членовъ, а за границею партіями Чарторижскаго и Мирославскаго,—начали постепенно готовить умы къ безпорядкамъ.

Даже во время послѣдняго пребыванія государя, они не скрывали своихъ дѣйствій. Иначе какъ объяснить намѣреніе облить ложу его величества купоросомъ, отсутствіе польскихъ дамъ на балѣ князя Горчакова и проч.

Въ ноябрѣ прошедшаго (1860) года, начались разныя демонстраціи, битье стеколъ, писаніе анонимныхъ писемъ, въ которыхъ запрещалось давать балы и вечера, ненависть и ругань русскихъ и ихъ приверженцевъ.

Въ годовщину бывшаго возстанія 1830 года воспитанники учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ толпою народа, собрались на Лешно и пѣли разныя патріотическія пѣсни. Нѣсколько недѣль спустя, вся реальная гимназія отправилась въ костелъ бернардиновъ, для служенія панихиды, въ память разныхъ лицъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи Польши.

Генераль-губернаторъ вновь настаивалъ о принятіи строгихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ и предлагалъ закрыть реальную гимназію, но представленія его остались безъ всякаго вниманія.

Такой образъ дѣйствій продолжался до собранія Земледѣльческаго (Агрономическаго) общества,—т. е. до 23-го февраля сего (1863) года.

Тутъ уже дерзость и самонадѣянность поляковъ перешла всякую мѣру.

За нѣсколько дней до годовщины Гроховскаго сраженія были разбросаны въ костелахъ, а 12-го (24-го) февраля наклеены въ разныхъ мѣстахъ города воззванія: собраться народу въ понедѣльникъ 13-го (25-го) февраля въ половинѣ шестаго на площадѣ Стараго мѣста. Здѣсь собравшаяся толпа должна была слѣдовать за процессією мимо замка къ намѣстниковскому дому, гдѣ тогда Земледѣльческое общество имѣло свои засѣданія.

Хотя члены сего собранія не принимали видимаго участія, но извѣстно, что они не только знали, что будетъ демонстрація, но руководили оной и даже согласились по прибытіи процессіи къ намѣстниковскому дому выдти къ народу, изъ среды котораго зачинщики должны были просить ихъ подать адресъ о дарованіи конституціи.

13-го (25-го) февраля рано утромъ полиція арестовала ученика художественной школы Бальцера, печатавшаго воззванія посредствомъ ручной типографіи. Бальцеръ сознался во всемъ и показалъ, что если бы демонстрація удалась, то жители должны были иллюминировать городъ.

Казалось, что когда всѣ планы зачинщиковъ были уже извѣстны правительству, то и мѣры предосторожности могли быть приняты, а слѣдственно спокойствіе не могло быть нарушено.

Однако же вышло иначе.

Въ назначенный часъ началось сильное народное движеніе къ Старому мѣсту и къ костелу Паулиновъ. Оберъ-полицеймейстеръ, прибывшій на площадь, былъ встрѣченъ криками. Полковникъ Треповъ, не смотря на грозившую ему опасность, вошелъ въ толпу, приказывая ей замолчать и расходиться. Толпа, между которыми были мастеровые, послушалась, но ученики Маримонтской школы съ палками оставались на мѣстѣ. Вслѣдъ за симъ частный приставъ прислалъ сказать, что академики и гимназисты хотятъ заставить ксендза, отслужившаго вечерню, выдти изъ костела Паулиновъ съ хоругвями и съ крестомъ и что онъ просить помощи. Оберъ-полицеймейстеръ, видя, что богослуженіе уже

окончено, приказалъ запереть костелъ, что было исполнено съ большимъ усиленіемъ.

Полковникъ Треповъ не успѣлъ доѣхать до площади Старого мѣста, какъ уже показались академики, воспитанники Мармонтской школы, гимназисты и нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ, вѣроятно эмиссаровъ партіи Мирославскаго съ зажженными факелами и значками съ польскими орлами. Не смотря на всѣ увѣщанія, процессія продолжала идти впередъ. Тогда оберъ-полицеймейстеръ былъ вынужденъ приказать полиціи и пѣшимъ жандармамъ тушить факелы и отбирать значки. Прискакавшему же по приказанію намѣстника эскадрону жандармскаго полка приказалъ преградить процессіи дорогу, что было въ точности исполнено, безъ насильственныхъ мѣръ, не смотря на то, что академики факелами и значками пугали лошадей, а камнями и грязью бросали въ жандармовъ.

Демонстрація окончилась рукопашной схваткой. Восемь человекъ, на которыхъ найдены прокламаціи и портреты сапожника Килинскаго, были арестованы.

Народное же движеніе по улицамъ продолжалось до ночи.

Слѣдующій день, 14-го (26-го) февраля, прошелъ спокойно, но члены Земледѣльческаго общества и большая часть публики надѣли трауръ въ честь мнимо убіенныхъ 13-го (25-го) февраля.

15-го (27-го) февраля утромъ нѣсколько сотъ человекъ, въ томъ числѣ члены Земледѣльческаго общества, академики, гимназисты и ученики Мармонтской школы въ траурѣ, собрались въ костелъ Кармелитовъ, на Лешно, для служенія панихиды въ память тѣхъ же убіенныхъ. Послѣ совершенія обряда, толпа пошла по улицѣ Долгой, заставляя дорогой выходить всѣхъ изъ экипажей и слѣдовать за нею, оскорбляя встрѣчавшихся офицеровъ и солдатъ. Подойдя къ запертой церкви Паулиновъ, она запѣла народные гимны и отправилась къ Старому мѣсту, гдѣ была встрѣчена съ восторгомъ. Изъ одного дома вынесли образъ, бросали изъ оконъ бумажные образки, которые ученики прибили къ палкамъ, направляясь мимо замка къ костелу бернардиновъ, откуда намѣрены были слѣдовать къ намѣстниковскому дому, гдѣ засѣдали члены Земледѣльческаго общества.

На площади замка намѣстникъ приказалъ сотнѣ линейныхъ казаковъ преградить дорогу процессіи, при которой не было ни одного ксендза.

Подвигаясь все ближе и ближе къ костелу бернардиновъ, казаки, при которыхъ былъ только ихъ сотенный командиръ, наткнулись на похороны чиновника Лемпицкаго. Кто-то изъ толпы закричалъ: хоронятъ жертву, павшую за отечество 13-го (25-го) февраля. Тогда чернь начала бросать въ казаковъ грязью и камнями. Казаки, между ко-

торыми были ранены, отбивались плетью. Зачинщики же, для возбужденія народа, распространили слухъ, что они побили двухъ ксендзовъ, выходявшихъ изъ костела съ крестомъ для сопровожденія похоронъ, и что крестъ сломался въ дребезги ¹⁾.

Казаки не только не помѣшали народу войти въ костелъ, но сами получили приказаніе отойти къ замку.

Генераль Заболоцкій, желая пересѣчь народу сообщеніе съ намѣстниковскимъ домомъ, безъ приказанія, пришелъ съ ротою, взятой изъ Примасовскаго дома. Чернь съ неистовыми криками начала бросать грязью и камнями въ нашихъ солдатъ. Заболоцкій, ушибленный камнемъ, не вытерпѣлъ, приказалъ зарядить ружья и сдѣлать залпъ. Вслѣдствіе чего было убито 5 человекъ и ранено 15-ть.

Толпа же въ первую минуту разбѣжалась во всѣ стороны.

Залпъ сей произвелъ страшное смятеніе въ замкѣ. Намѣстникъ не зналъ, на что рѣшиться, и окончилось тѣмъ, что приказано было для успокоенія народа убрать войска. Чернь, предводительствуемая своими начальниками, видя наше отступленіе, подняла трупы и на носилкахъ понесла ихъ по городу. Четыре трупа были положены въ Европейскую гостиницу, а пятый внесень въ засѣданіе Земледѣльческаго общества. Члены съ криками: «убиваютъ нашихъ братьевъ», побѣжали въ Европейскую гостиницу. При огромномъ стеченіи народа рыдали надъ тѣлами убитыхъ и произносили разныя патріотическія рѣчи. Вслѣдъ затѣмъ начали подписывать адресъ государю, и тотчасъ же составила депутація будто бы отъ всѣхъ сословій, которая вмѣстѣ съ адресомъ отправилась съ разными требованіями къ намѣстнику.

Князь Горчаковъ согласился на слѣдующія уступки:

1. Похоронить убитыхъ со всѣми почестями.

2. Учредить временное управленіе, составленное изъ всѣхъ сословій города (делегація), которое въ продолженіе трехъ дней, а именно до похоронъ будетъ, безъ вмѣшательства полиціи, блюсти за порядкомъ и сохранять спокойствіе.

Словомъ сказать, городъ отданъ былъ на произволъ людямъ, производящимъ безпорядки.

3. Въ день похоронъ полиція и войска не должны были показываться на улицахъ.

4. Назначить маркиза Паулуччи на мѣсто оберъ-полицеймейстера Трепова, не умѣвшаго, по словамъ депутаціи, пріобрѣсти популярности (?).

5. Дозволить депутаціи ѣхать въ Петербургъ для поднесенія адреса государю ²⁾.

¹⁾ Нынѣ достовѣрно извѣстно, что все это вымыселъ злонамѣренныхъ людей.

²⁾ Въ тотъ же день послѣдовало измѣненіе: князь Горчаковъ самъ послалъ адресъ въ Петербургъ.

6. Освободить безъ исключенія всѣхъ лицъ, арестованныхъ 15-го (27-го) февраля.

Подобныя уступки не требуютъ объясненій.

Въ тотъ же самый день, подали въ отставку всѣ предводители дворянства и большая часть лицъ, принадлежавшихъ къ высочайшему двору. Предсѣдатель Земледѣльческаго общества, гр. Андрей Замойскій, принялъ роль диктатора. Ничто не дѣлалось безъ его согласія. Всѣ же его требованія были исполняемы нашимъ правительствомъ безпрекословно. Временное управленіе вступило въ исполненіе своихъ обязанностей, издало прокламацію къ жителямъ Варшавы, въ которой умоляло именемъ отечества не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, которыя въ настоящее время могутъ имѣть только пагубныя послѣдствія.

Нельзя не согласиться (въ томъ, что) временное правленіе исполнило въ точности свои обѣщанія, и въ городѣ былъ сохраненъ порядокъ. Учреждены патрули изъ разныхъ лицъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Тишина и наружное спокойствіе не были нарушены. Но между тѣмъ патріоты не теряли времени. На улицахъ и въ домахъ были произносимы рѣчи противъ правительства, въ которыхъ были указываемы на святотатства, совершенныя будто бы надъ крестомъ, и на истязанія ксендзовъ.

Были посланы приглашенія къ крестьянамъ прибыть въ Варшаву на похороны жертвъ, павшихъ 15-го (27-го) февраля. Сія послѣдняя мѣра не удалась: крестьяне, помня благодаренія покойнаго государя, оставались на своихъ мѣстахъ.

Совершенно было торжественное примиреніе съ евреями, которыхъ называли братьями ¹⁾). Также были отправлены въ города и мѣстечки агенты для возбужденія народа противъ правительства, съ приглашеніемъ дѣлать демонстраціи и служить панихиды.

Наконецъ наступилъ день похоронъ.

Не приведи Богъ русскому и вѣроподданному видѣть другой разъ въ жизни зрѣлище, унижившее до такой степени имя русское.

Въ тотъ день, когда было приказано войскамъ и полиціи не показаться на улицахъ, все варшавское народонаселеніе въ глубокомъ траурѣ, католическое духовенство, имѣя во главѣ епископа, духовенства: евангелическое и реформатское, равнинъ съ кагаломъ и всѣ городскіе цехи съ своими значками провожали тѣла, несенныя на рукахъ лицами того сословія, которому принадлежалъ убитый; а наши караулы отдавали честь процессіи.

¹⁾ Чтобы получить отъ нихъ деньги на возстаніе.

Примѣч. Н. А. Крыжановскаго.

Въ тотъ же день послѣ похоронъ въ самомъ враждебномъ для русскаго правительства духѣ было сдѣлано во всѣхъ газетахъ описаніе похоронъ, а графъ Андрей Замойскій благодарилъ отъ имени отечества академикомъ и воспитанникомъ всѣхъ учебныхъ заведеній за сохраненіе порядка.

Послѣ похоронъ большая часть членомъ Земледѣльческаго общества разбѣжалась по деревнямъ; но для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталось до 200 членомъ.

Въ награду же за сохраненіе порядка, намѣстникъ разрѣшилъ временному правленію наблюдать за спокойствіемъ въ городѣ еще въ день восшествія на престолъ государя императора. Затѣмъ въ помощь городскимъ властямъ была составлена делегація изъ гражданъ въ числѣ 24-хъ членомъ подъ предсѣдательствомъ маркиза Паулуччи. Делегація эта засѣдала въ ратушѣ и каждый вечеръ представляла отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ членамъ ресурса, гдѣ ежедневно собиралось отъ 1.000 до 2.000 человекъ. Словомъ, въ это время русское правительство не существовало, русскія войска исчезли, были спрятаны, управленіе передано въ руки людей, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ мятежниками.

Вотъ до какихъ результатовъ, послѣ пятилѣтнихъ послабленій и необузданныхъ мѣръ, достигли наши русскіе дѣятели въ Польшѣ.

Исторія не представляетъ примѣра, чтобы въ краѣ, гдѣ правительство опирается на пять крѣпостей, на прекрасное войско и на четыре милліона крестьянъ, которые еще до сихъ поръ за правительство, могло увидѣть себя до такой степени.

Послѣ всѣхъ сихъ событій, 2-го (14-го) марта былъ полученъ высочайшій рескриптъ на имя князя Горчакова (рескриптъ сей былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ, слѣдственно излишне говорить о содержаніи онаго ¹⁾).

¹⁾ Считаемо, однако, не лишнимъ напомнить читателямъ, что 16-го (28-го) февраля варшавскій архіепископъ Фіалковскій, въ сопровожденіи трехъ другихъ лицъ, представилъ генералъ-адъютанту князю Горчакову слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

„Государь! Горестныя происшествія, случившіяся недавно въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшее за ними, глубокая скорбь, проникшая всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ вашего величества отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что ваше благородное сердце, государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа.

„Эти событія, которыхъ горькія оцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями отдѣльныхъ классовъ населенія, напротивъ того, они составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ признапныхъ. Болѣе полустолѣтія

На другой день князь Горчаковъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Фіалковскаго, графа Андрея Замойскаго, Островскаго, графа Малаховскаго, банкира Кроненберга и купца Шленкера. Такъ какъ онъ принималъ всѣ депутаціи отъ 15-го (27-го) февраля глазъ на глазъ и ни съ кѣмъ не совѣтовался, а только соглашался на всѣ требованія, то неизвѣстно, какіе происходили разговоры и пренія. Но въ тотъ же вечеръ распространились слухи и копіи съ протокола засѣданій въ рес-сурсѣ, въ которомъ сказано, что государь, не смотря на строгость выраженій, изъясненныхъ въ рескриптѣ, обѣщаетъ сдѣлать разныя измѣненія и улучшенія въ администраціи царства. Разсказывали также, что намѣстникъ сообщилъ депутаціи письмо отъ министра статсъ-секретаря, въ которомъ сказано, что льготы, даруемыя царству Польскому, будутъ обнародованы особеннымъ декретомъ.

Графъ Замойскій, выслушавъ содержаніе письма г. Тымовскаго, будто бы сказалъ князю Горчакову: «мы принимаемъ сіи уступки, но онѣ для насъ недостаточны». Намѣстникъ отвѣчалъ: «примите ихъ на время; увидимъ, что можно будетъ сдѣлать для васъ впослѣдствіи».

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней много было толковъ о рескриптѣ.

«Я читалъ прошеніе, вами ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ

страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіе вѣковъ учрежденіями либеральными; народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія монарху жалобъ и выраженія общихъ нуждъ; все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе проявить свой голосъ, какъ стономъ жертвъ. А потому онъ и не перестаетъ приносить эти жертвы.

„Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранился сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями; несчастіе не только не ослабило, но укрѣпило его. Все, что оскорбляетъ или вредитъ ему, волнуетъ умы. Вслѣдствіе того, это роковое вліяніе подорвало всякое довѣріе между правителями и управляемыми.

„Довѣріе не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственные принудительныя мѣры, не ведущія ни къ какому результату. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень по образованію съ своими сосѣдами въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся ея общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій.

„Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной европейской семьѣ, въ настоящее время, онъ только почти одинъ лишены необходимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ идти по пути развитія, указаннаго Провидѣніемъ.

„Повергая къ стопамъ трона выраженіе нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній, и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе вашего

которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ беспорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе».

Въ рессурсѣ ораторы кричали: «какъ это возможно, здѣсь дѣло идетъ не о нѣсколькихъ лицахъ, а о всемъ народѣ, который такъ благородно и скромно выразилъ, предъ всей Европой, сколь тягостно для него русское иго».

Ждали только случая, чтобы сдѣлать какую-нибудь манифестацію, и воспользовались выѣздомъ г. Муханова ¹⁾, чтобы собраться въ числѣ двухъ или трехъ тысячъ у дебаркадера желѣзной дороги, гдѣ имѣли намѣреніе бросать въ него камнями и грязью.

Хотя Мухановъ имѣлъ предосторожность поѣхать въ экипажѣ до первой станціи, но до самой границы, на станціяхъ, гдѣ останавливался поѣздъ, его встрѣчали съ ругательствами, а въ Скерневицахъ

императорскаго величества, мы осмѣливаемся взывать къ вашему великодушію».

15-го (27-го) февраля 1861 г.

Князь Горчаковъ представилъ это прошеніе императору, который отвѣчалъ ему 25-го февраля:

„Князь Михаилъ Дмитріевичъ! Я читалъ прошеніе, вами ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣнїе нѣсколькихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ беспорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе.

„Всѣ заботы мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ моей Имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безраздѣльно и на подданныхъ моихъ въ царствѣ Польскомъ. Ко всему, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ.

„Я уже на дѣлѣ доказалъ имъ мое искреннее желаніе распространить и на нихъ благотворныя дѣйствія улучшеній истинно-полезныхъ, существенныхъ, постепенныхъ. Неизмѣнны пребудутъ во мнѣ таковыя желанія и намѣренія, и потому я въ правѣ ожидать, что попеченія мои не будутъ затрудняемы, ни ослабляемы требованіями несвоевременными или преувеличенными и несомвѣстными съ настоящими пользами моихъ подданныхъ. Я и исполню всѣ мои обязанности. Но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка. На такомъ основаніи созидать что-либо не возможно. Всякое начало, порожденное подобными стремленіями, произносить самому себѣ сужденіе. Я не допущу до сего. Не допущу никакого вреднаго направленія, могущаго затруднять или замедлить постепенное, правильное развитіе и преруспѣваніе благосостоянія сего края, которое будетъ всегда и постоянно цѣлью моихъ желаній и попечительности».

(См. „Русскій Инвалидъ“ 2-го апрѣля 1861 г., № 50).

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго.

*

разбили всѣ окна въ вагоны. 13-го (25-го) марта около вечера, толпа, собравшаяся въ одно мгновеніе по свисткамъ, разбила всѣ окна у генерала Абрамовича въ театрѣ и въ квартирѣ г. Эноха въ намістниковскомъ домѣ. Предполагали, что послѣ такого явнаго нарушенія общественнаго спокойствія будутъ приняты строгія мѣры, чтобы положить предѣлъ дерзости.

Написано уже было постановленіе объ объявленіи города на военномъ положеніи; но новая городская депутація остановила всѣ распоряженія, и городъ вновь былъ отданъ для сохраненія спокойствія делегаціи, которая тотчасъ учредила свою полицію. Спокойствіе дѣйствительно не было нарушено въ продолженіе страстной недѣли. Нельзя себѣ вообразить, что дѣлалось на улицахъ,—это былъ просто маскарадъ. Все народонаселеніе носило трауръ, молодые люди и разный сбродъ надѣли бѣлыя, голубыя, малиновыя конфедератки, чамарки и контуши.

Наконецъ, 31-го марта былъ обнародованъ всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи разныхъ льготъ царству Польскому. Милости, оказанныя государемъ краю, не успокоили умовъ, хотя умѣренная партія казалась, видимо, довольною, но лихорадочное состояніе было слишкомъ сильно. Конфедератки и чамарки, подстрекаемыя поджигателями, надѣялись, что посредствомъ безпорядковъ они достигнутъ еще другихъ уступокъ.

Всѣ объявленія и прокламаціи высшаго начальства, въ которыхъ старались образумить народъ, представляя всѣ гибельныя послѣдствія, ожидающія возмутителей порядка, только возбуждали еще болѣе волненіе. Раздѣленіе города на четыре отдѣла, подчиненныя начальникамъ войскъ, ясно доказывало, что правительство рѣшилось приступить къ энергическимъ мѣрамъ и, наконецъ, положить предѣлъ безначалію, но и эта мѣра не имѣла никакого вліянія.

Безпорядки распространялись по всему краю. Въ Радомѣ, Калишѣ, Люблинѣ, Кѣльцахъ, Серадзѣ и проч., чернь, волнуемая подстрекателями и увѣренная въ безнаказанности, повторила безпорядки, бывшіе въ Варшавѣ.

Въ Варшавѣ съ 22-го марта (3-го апрѣля) манифестаціи продолжались ежедневно. У статуй Богородицы и Святыхъ собирались толпы въ нѣсколько тысячъ людей, которые вмѣстѣ съ молитвами пѣли разныя патріотическія пѣсни. 24-го марта (5-го апрѣля), въ 9 часовъ утра, было большое стеченіе народа у костела Реформатовъ, въ которомъ даже принимало участіе духовенство.

Нельзя было ручаться, что при тогдашнемъ безначаліи, мы не лишились бы единственной вашей опоры въ Польшѣ, а именно крестьянъ, которые еще до сихъ поръ за насъ, хотя помѣщики, духовенство и разнаго рода агенты подстрекали ихъ противъ правительства, увѣряя, что

русскіе совершили святотатство надъ крестомъ и хотѣтъ обратитъ ихъ въ православную вѣру. Къ сожалѣнію, правительство вмѣсто того, чтобы воспользоваться симъ положеніемъ и стараться поддержать привязанность къ себѣ крестьянъ, дозволило 21-го марта (2-го апрѣля) объявить крестьянамъ съ амвоновъ чрезъ духовенство слѣдующее постановленіе:

Что владѣльцы, въ попеченіи о благѣ крестьянъ, усердно занимаются проектомъ объ очиншеваніи ихъ; что, кромѣ того, значительное число владѣльцевъ изъявило желаніе, по введеніи установленнаго по добровольному согласію чинша, предоставить крестьянамъ право выкупа земель.

Объявленіе сіе имѣетъ ту дурную сторону, что крестьяне, услышавши изъ устъ своихъ священниковъ, что благосостояніемъ своимъ они обязаны будутъ не государю, но владѣльцамъ, которые, воспользовавшись ошибкою правительства, передавшаго на разсмотрѣніе Земледѣльческаго общества проектъ объ очиншеваніи, надѣются безъ всякихъ для себя потерь положить тѣмъ предѣлъ вѣковой враждѣ между ними и крестьянами.

Непонятно, какъ правительство, видя въ теченіе столькихъ лѣтъ и, наконецъ, во время нынѣшнихъ безпорядковъ, спокойствіе и расположеніе къ себѣ крестьянъ, не взяло на себя безъ вмѣшательства шляхты обнародованіе постановленія очиншеванія ¹⁾ крестьянъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ казенныхъ имѣніяхъ и маіоратахъ.

Какой представлялся нынѣ прекрасный случай совершить сіе великое дѣло. Это было лучшимъ средствомъ еще болѣе привязать къ себѣ крестьянъ и, опираясь на четырехмилліонное населеніе, обуздать тѣмъ навсегда враждебную шляхту.

25-го марта (6-го апрѣля) было обнародовано постановленіе совѣта управленія о закрытіи по высочайшему повелѣнію Земледѣльческаго общества. На другой день, 26-го марта (7-го апрѣля), около трехъ часовъ пополудни, огромныя толпы народа начали стекаться со всѣхъ сторонъ къ зданію земскаго кредитнаго общества, гдѣ на балконѣ, во время пѣнія патріотическихъ пѣсень, былъ водруженъ польскій орелъ, подъ которымъ поставленъ образъ Богородицы, покровительницы Польши. Оттуда толпы направились чрезъ Саксонскую площадь и близъ лежащія улицы къ дому бывшаго предсѣдателя общества графа Андрея Замойскаго. Не смотря на всѣ увѣщанія генералъ-губернатора, выѣхавшаго на встрѣчу, толпа не расходилась. По прибытіи же къ дому Замойскаго, послѣ криковъ «ура!», начали вызывать его на балконъ. Послѣ долгаго ожиданія, Замойскій, наконецъ, показался и старался убѣдить народъ разойтись по домамъ. Рукоплесканіямъ и восторженнымъ крикамъ

¹⁾ Очиншеваніе—земельный надѣлъ

не было конца, но убѣжденія графа Замойскаго не могли успокоить толпы, которые направились къ замку.

Когда народъ сталъ все болѣе собираться къ замку, тогда было приказано войскамъ стать на площади Сигизмунда. Самъ намѣстникъ, окруженный своимъ штабомъ, выѣхалъ къ толпѣ, уговаривая расходиться по домамъ. Дерзость дошла до того, что осмѣяли и освистали князя Горчакова.

— Пошелъ вонъ! — кричала толпа, — мы стоимъ на родной землѣ побѣждай самъ домой; мы не отойдемъ, пока войска не отступятъ.

Намѣстникъ воротился въ замокъ, а войска, простоявъ еще нѣкоторое время, были уведены съ площади.

Отступление войскъ еще болѣе подняло самонадѣянность мятежниковъ, которые вообразили, что русское правительство никогда не осмѣлится употребить противъ нихъ силу. Такъ называемая умѣренная партія, къ которой принадлежали всѣ высшія сословія, члены бывшаго Земледѣльческаго общества и наконецъ люди, имѣющіе какое-либо состояніе, оставались въ сторонѣ, хотя очень хорошо знали всѣ дѣйствія радикальной партіи и руководили ею.

27-го марта (8-го апрѣля), около трехъ часовъ по полудни опять толпа начала собираться на Краковскомъ предмѣстьи у костела кармелитовъ, гдѣ отпѣвали тѣло возвратившагося изъ Сибири политическаго преступника. По совершеніи обряда, толпа пошла для сопровожденія похоронъ на Повонзковское кладбище, откуда большая часть направилась къ замку. Около 5¼ часовъ вечера площадь Сигизмунда была уже покрыта народомъ, и войска, вышедшія изъ замка, были встрѣчены неистовыми криками. Желая образумить народъ и во избѣжаніе несчастныхъ послѣдствій, которыя его ожидали въ случаѣ упорства, было приказано одной ротѣ пѣхоты съ жандармами на флангахъ подвинуться впередъ, а полицейскому чиновнику, послѣ барабаннаго боя, объявить народу, чтобы расходился.

Троекратно каждыя десять минутъ было возобновляемо сіе объявленіе. Послѣ третьяго раза, когда увидѣли, что всѣ увѣщанія остаются тщетными, было приказано взводу жандармовъ разогнать народъ.

Атака была произведена рысью, и толпа разбѣжалась на тротуары Краковскаго предмѣстья, жандармы разогнали чернь холоднымъ оружіемъ, но она, пользуясь тѣмъ, что жандармы не могли вѣзжать на скользкіе тротуары, съ криками и свистомъ начала отбиваться остроконечными окованными желѣзомъ палками и бросать камни. Такъ какъ дальнѣйшее дѣйствіе жандармовъ не могло имѣть успѣха, то приказано имъ отойти, а взводу пѣхоты разогнать толпу съ тротуаровъ. Толпа дѣйствительно разбѣжалась, но только-что взводъ возвратился на свое мѣсто, какъ снова густыя массы съ Краковскаго предмѣстья и

съ Сенаторской улицы двинулись на площадь Сигизмунда. Была произведена вторая атака, двумя взводами жандармовъ, имѣвшая тотъ же неуспѣхъ, какъ и первая. Тогда выдвинули противъ Сенаторской улицы взводъ пѣхоты, который былъ встрѣченъ камнями, и сдѣланъ мятежниками первый выстрѣлъ изъ углового дома, выходящаго съ правой стороны отъ Сенаторской улицы на площадь Сигизмунда.

Наступила минута молчанія, и вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ первый залпъ. Толпа съ крикомъ разбѣжалась во всѣ стороны.

Въ это мгновеніе показалась изъ костела бернардиновъ процессія, впереди которой несли крестъ. Рота пѣхоты пропустила ее до угла Сенаторской, гдѣ два взвода жандармовъ преградили ей дорогу. Находявшійся вблизи жандармскій штабъ-офицеръ узналъ человѣка, несшаго крестъ; это былъ выпущенный изъ цитадели политическій арестантъ ученикъ художественной школы Новаковскій ¹⁾).

Новаковского арестовали—посыпался градъ камней. Войска должны были податься назадъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ для удержанія натиска. Въ то же время показалась другая процессія, которая стала на перекресткѣ Краковскаго предмѣстья и Сенаторской улицы. Толпа заплѣла: «избави насъ Боже отъ язычниковъ». Казаки успѣли ее разогнать, но только-что отошли за пѣхоту, какъ толпа снова начала собираться и кидать камнями. Въ то же время, чтобы заградить улицы Сенаторскую и Подвальную, чернь сдѣлала изъ нагромоздившихся дрожекъ и экипажей родъ барикады, изъ-за которыхъ бросали камнями.

Видимо было, что только рѣшительныя дѣйствія могутъ положить конецъ безумному упорству мятежниковъ, которые со всѣхъ сторонъ съ криками напирали на войска. Дерзость ихъ вынудила начальника войскъ генерала Хрулева, имѣвшаго предварительно письменное повелѣніе отъ намѣстника, приказать сдѣлать четыре залпа: одинъ вдоль Сенаторской улицы, другой по Краковскому предмѣстью, третій по Подвальной и четвертый по Новому сѣзду ²⁾).

¹⁾ А не ксендзъ.

²⁾ Это не вѣрно: никакого письменнаго приказанія намѣстникомъ дано не было. По разсказу Н. А. Крыжановскаго, дѣло происходило такъ:

Когда выѣздъ кн. Горчакова къ толпѣ оказался неудачнымъ, то князь, сильно разстроенный, призвалъ къ себѣ въ кабинетъ генерала Хрулева, гдѣ находился и Николай Андреевичъ Крыжановскій.

— Выведите войска изъ замка на площадь и разгоните толпу, — сказалъ князь Горчаковъ.

— А если она меня не послушаетъ, какъ и васъ? — спросилъ Хрулевъ.

— Ну, тогда употребите самыя рѣшительныя мѣры.

— Какія же? — стрѣлять?

— Да, но лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Уговоромъ Хрулева толпа, видѣвшая наканунѣ нерѣшительныя дѣйствія намѣстника, конечно, не послушалась, и черезъ полчаса раздались четыре

Всего выпущено 464 выстрѣла.

Толпы побѣжали во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ 4 тѣла и до 20 раненыхъ. Унесли же съ собою 7 тѣлъ и до 130 раненыхъ, которые, какъ увидимъ ниже, были отобраны ночью. Арестовано 70 человекъ. Съ нашей же стороны убито два человека и ранено 12.

Послѣ арестованія Новаковского и перваго залпа, былъ данъ сигналъ общей тревоги, въ замкѣ и на Саксонской площади.

Смятеніе и страхъ народа были необыкновенны. Когда увидѣли ракеты и услышали пушечные выстрѣлы холостыми зарядами изъ цитадели, жители вообразили, что бомбардируютъ городъ. Толпы уже не останавливаясь бѣжали по всѣмъ направленіямъ, а наши войска въ удивительномъ порядкѣ собирались на указанныхъ пунктахъ. Между тѣмъ, въ замкѣ уже явились: банкиръ Кроненбергъ и каноникъ Стецкий. Намѣстникъ ихъ не принялъ, и затѣмъ депутаціи уже болѣе не являлись съ требованіями разныхъ уступокъ и льготъ.

Вслѣдъ затѣмъ были приняты слѣдующія мѣры:

- 1) Всѣмъ войскамъ, пришедшимъ по тревогѣ, расположиться биваками на площадяхъ, впредь до особаго приказанія.
- 2) Ночью забрать всѣ тѣла убитыхъ, отнесенныя въ частные дома, и отвезти въ цитадель,—гдѣ ихъ похоронить по совершеніи обряда католическимъ капланомъ, находящимся при войскахъ.
- 3) Всѣхъ раненыхъ изъ частныхъ домовъ перевезти для лѣченія въ гражданскіе и военные госпитали.
- 4) Всѣхъ арестованныхъ лицъ перевезти въ цитадель,—откуда на другой день отправить въ Новогеоргиевскъ.
- 5) Обнародовать постановленіе совѣта управленія, состоявшееся 27-го марта (8-го апрѣля) противъ сборищъ.
- 6) Подтверждено начальникамъ войскъ наблюдать, чтобы ни подѣ

залпа. Услышавъ залпъ, кн. Горчаковъ вскочилъ съ кресла и, бормоча что-то про себя, сталъ ходить по кабинету. Вошелъ Хрузевъ и совершенно покойно доложилъ: „согласно приказанія вашего сіятельства толпа разогнана; по улицамъ посланы патрули и разъѣзды, а на площади поставленъ караулъ изъ одной роты. Убитыхъ (поляковъ) 11 человекъ, раненыхъ около 150; у насъ потеря: 2 убитыхъ и 12 раненыхъ“.

— А развѣ я,—сказалъ князь Горчаковъ какъ бы съ укоромъ,—приказывалъ вамъ стрѣлять боевыми патронами?..

Но это Хрузевъ, со свойственною ему грубоватою откровенностью, перебилъ князя.

— Полно хитрить, князь,—сказалъ онъ,—я хорошо знаю, что означаетъ приказаніе намѣстника разогнать толпу оружіемъ, когда она другихъ приказаній не слушаетъ... и вышелъ изъ кабинета.

Горчаковъ схватилъ листъ бумаги и, бормоча про себя, сталъ что-то писать. Н. А. Крыжановскій также вышелъ.

какимъ видомъ на улицахъ и площадяхъ не было сборищъ, ослушниковъ приказано брать подъ арестъ, а въ случаѣ сопротивленія употреблять оружіе.

7) Опубликованы временныя правила для варшавскаго муниципальнаго совѣта, въ который послѣ всемилостивѣйшаго манифеста были призваны, съ разрѣшенія высшаго начальства, часть членовъ, принадлежавшихъ къ бывшей делегаціи, дозволившей себѣ при первомъ засѣданіи сдѣлать разныя постановленія, превышающія ея власть, и напечатать оныя въ газетахъ.

8) Посланы въ губерніи и города, гдѣ возникли беспорядки, военные начальники для восстановленія спокойствія.

9) Въ Варшавѣ приказано закрыть ресурсъ, преобразившійся въ патриотическій клубъ. Здѣсь рѣшались всѣ вопросы, относящіеся къ возбужденію беспорядковъ въ краѣ, отдавались приказанія о демонстраціяхъ и рассылались эмиссары.

10) Послѣ 10-ти часовъ вечера никому не дозволено ходить по улицамъ безъ фонаря.

11) Домовладѣльцы обязаны подписками объявлять полиціи о каждомъ лицѣ, проживающемъ безъ установленнаго вида.

12) Раненымъ воспрещено показываться на улицахъ.

13) Всѣ шинки, кофейные дома и другія публичныя заведенія приказано закрывать впредь до особаго приказанія въ 8 часовъ вечера.

14) Запрещенъ трауръ и разныя маскарадныя костюмы.

15) Воспрещено также носить разныя наружныя знаки, какъ-то: бѣлые орлы, кокарды, галстуки съ національными цвѣтами и проч.

16) Въ магазинахъ не вывѣшивать траурныхъ принадлежностей, какъ это было въ теченіе 6-ти недѣль.

17) Не носить палокъ, окованныхъ желѣзомъ и съ свинцовыми набалдашниками.

18) На похоронахъ не собираться постороннимъ зрителямъ; дозволено только сопровождать тѣла усопшихъ родственникамъ.

19) Отбранное у оружейныхъ мастеровъ и въ лавкахъ оружіе огнестрѣльное и холодное перевезти въ цитадель.

20) Впредь до особаго распоряженія, закрыть городскую почту.

21) При всѣхъ поѣздахъ желѣзной дороги отправлять конвой для наблюденія за порядкомъ.

Половина сихъ мѣръ, принятыхъ во-время, могла бы предупредить всѣ беспорядки и кровопролитіе. Доказательствомъ чего служить и то, что, не смотря на разившееся отъ безнаказанности до безумія остервенѣніе черни, въ одну минуту, какъ бы по волшебству, фізіономія города совершенно измѣнилась, исчезли маскарадныя костюмы. На улицахъ только показались лица, изумленные и подъ вліяніемъ видимаго страха.

Простой народъ понялъ, что его выставляли только впередъ и употребляли какъ орудіе, а при первой возможности бросили на произволъ судьбы.

Извѣстно, что главные зачинщики не были съ народомъ, они оставались въ сторонѣ и выжидали обстоятельство, а послѣ несчастныхъ событий нѣкоторые даже пѣшкомъ бѣжали изъ города.

Куда дѣвались Замоискіе, Островскіе, Шленкеры, Еппштейны и другіе? Они оставались у себя въ заперти и дома выжидали исхода обстоятельствъ. Имъ нужны были новыя жертвы, которыя дали бы снова возможность воспользоваться слабостію правительства, чтобы на трупахъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ потребовать для себя новыхъ уступокъ.

Для достиженія сей цѣли дѣлались подъ видомъ пожертвованій для родственниковъ, павшихъ 15-го (27-го) февраля, окладки, которыя раздавались простому народу. Работники и чернь, отвыкшіе отъ работы, предавались страшному пьянству и готовы были на всѣ неистовства. Изъ духовенства же, къ сожалѣнію, многіе проповѣдывали народу бунтъ.

Чернь, волнуемая рѣчами своихъ руководителей, проповѣдями духовенства, ободряемая бездѣйствіемъ правительства и отступленіемъ по ея требованію нашихъ войскъ, въ присутствіи которыхъ она осмѣяла и осмѣяла намѣстника русскаго царя, рѣшилась 27-го марта (8-го апрѣля) на безумныя дѣйствія, повлекшія за собою кровь. Кровь не была бы пролита, народъ не былъ бы возбужденъ до безумія, войска наши не терпѣли бы поруганія, русское имя не понесло бы такого стыда и униженія и, наконецъ, не было бы такихъ уступокъ, которыя измѣняютъ даже форму правленія, безъ высочайшей власти, если бы постоянныя ошибки не приготавливали общаго разстройства дѣлъ или по крайней мѣрѣ если бы въ-время, т. е. въ первый же моментъ появленія мятежа на улицѣ, были приняты весьма привычныя уже въ Варшавѣ извѣстныя мѣры осторожности, которыя предупредили бы всѣ безпорядки и не было бы укора ни намъ, ни за насъ.

Февральскіе и мартовскіе безпорядки въ Варшавѣ, постоянное напряженное состояніе и боязнь—какъ посмотреть на все происходящее въ Петербургѣ, окончательно надломили силы князя М. Д. Горчакова; онъ заболѣлъ и 18-го (30-го) мая скончался. При его кончинѣ присутствовали четыре лица: супруга его, Н. А. Крыжановскій, священникъ и камердинеръ. Умирающій что-то шепталъ по-французски, разобрать можно было только слова: *L'Empereur et Sevastopol*. Онъ умеръ сидя въ креслѣ. Н. А. Крыжановскій прикрылъ его простыней, поставилъ ему на плечо образъ Смоленской Божіей Матери, поднесенный ему

въ Севастополѣ, и послалъ за фотографомъ. Помѣщаемый портретъ снятъ тотчасъ же послѣ кончины. Такихъ портретовъ было только два: одинъ у княгини, а другой Н. А. Крыжановскій оставилъ себѣ. Негативъ былъ уничтоженъ съ цѣлью не дать возможности пустить этотъ портретъ въ продажу въ Варшавѣ, гдѣ онъ могъ бы послужить предметомъ насмѣшекъ.

Опасеніе это было болѣе чѣмъ основательно. Варшава, въ самый моментъ кончины князя, какъ бы провожая его душу въ вѣчный покой, устроила въ костелахъ новые безпорядки. Вотъ что писалъ Н. А. Крыжановскій графу А. В. Адлербергу, въ письмѣ отъ 18-го (30-го) мая 1861 г.:

«Покорнѣйше прошу ваше сіятельство довести до высочайшаго свѣдѣнія, что послѣ кончины князя Михаила Дмитриевича Горчакова кабинетъ его и бюро, гдѣ находится вся переписка, были запечатаны. Также была, въ присутствіи всего семейства Горчаковыхъ, открыта шкатулка, въ которой между прочими бумагами найдено письмо князя къ его императорскому величеству, духовное завѣщаніе и особая записка о послѣдней волѣ покойнаго. Въ этой запискѣ были изложены просьба о немедленномъ отправленіи письма къ государю императору и о желаніи покойнаго князя быть погребеннымъ на Сѣверной сторонѣ Севастополя, среди бранныхъ его товарищей.

«Во исполненіе воли покойнаго, я отправляю письмо съ курьеромъ, прося ваше сіятельство представить его въ собственныя государя императора руки.

«Въ минуту смерти намѣстника, происходила въ городѣ на Старомъ мѣстѣ церковная процессія по случаю католическаго праздника «Божье тѣло». Народу скопилось множество. Процессіею предводительствовалъ архіепископъ Фіалковскій. Когда архіепископъ подошелъ къ алтарю, приготовленному на Старомъ мѣстѣ, кто-то въ толпѣ закричалъ «русскіе бьютъ, стрѣляютъ», другіе крикнули «ура!». Всею массою народа, тысячъ въ 50, овладѣлъ паническій страхъ, всѣ начали кричать, одѣлалась ужасная суматоха и давка, въ которой нѣсколько дѣтей и женщинъ пострадали. Архіепископъ окончательно растерялся и почти безъ чувствъ сѣлъ на ступеньки алтаря. Тогда варшавскій оберъ-полиціеимейстеръ, подошедъ къ архіепископу, успокоилъ его и уговорилъ поднять надъ алтаремъ Святые Дары. Видъ ихъ заставилъ народъ стать на колѣна, и все успокоилось. Войско, бывшее на площади Сигизмунда, стало въ ружье, но было тотчасъ же распушено, и ружья составлены въ козла, такъ что ни одинъ изъ нашихъ солдатъ во всей бывшей суматохѣ не участвовалъ никакимъ дѣйствіемъ. По возвращеніи процессіи въ церковь св. Яна, раздались въ толпѣ новые крики: «русскіе стрѣляютъ», но уже никто имъ не повѣрилъ, и толпа разошлась миролюбиво.

284 СОВЫТІЯ, ПРІДШЕСТВОВАВШІЯ ВОЗСТАНІЮ ВЪ ПОЛЬСЬ ВЪ 1861 Г.

«Дѣло это будетъ изслѣдовано по распоряженію генералъ-адъютанта Мерхелевича.

«Вечеромъ въ 5 часовъ другая церковная процессія происходила у Александровскаго костела и прошла совершенно спокойно и благополучно».

Сообщ. Анд. Ник. Крыжановскій.

